Александр Котляр

Берлога солнца

Александр Котляр
Берлога солнца (сборник)

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4989186
Берлога солнца: Книга-Сефер; Тель-Авив; 2012
ISBN 978-965-91770-1-1

Аннотация

Собранные в книге «Берлога солнца» рассказы, лирические миниатюры, бурлески и жанровые зарисовки дают возможность познакомиться с литературным творчеством профессора Тель-Авивского университета Александра Котляра. Острая наблюдательность ученого, умение увидеть привычное с неожиданной стороны, яркая образность и самобытный язык – всё это, вкупе с держащими в напряжении сюжетами, делает книгу привлекательной и для узкого круга ценителей, и для широкой читательской аудитории. В 2011 году вышла первая книга А. Котляра «Принцип нечетности тапка». Повесть, написанная в жанре фантасмагории, была высоко оценена критикой, а читателям запомнилась новизной взгляда на мир и искрометным юмором. В ближайшее время готовится к выпуску серия сказок «Пушок и Пушистик – драконопилоты».

Содержание

От редактора	4
Я вами очарован вразь!	6
Еврей-рыба	13
Без наркоза	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Котляр
Берлога солнца

От редактора

Кто знает, тот поймет, кто не знает, поверьте на слово: редактирование – нелегкий и неблагодарный труд. Вы растворяетесь в авторе и теряете творческую индивидуальность. Вы начинаете смотреть на мир его глазами и вставляете в свою речь его словечки.

Это ещё полбеды. Если вас угораздило родиться женщиной, вы начинаете ревновать автора к героиням, и рука сама тянется… Но героини хороши, как, впрочем, и герои. А редактор – редактор должен быть объективен во всем. И вы читаете текст, стараясь не грустить там, где грустно, и не улыбаться там, где трудно не улыбнуться.

В общем, вы занимаетесь огранкой драгоценного алмаза. И когда под вашей любовно-безжалостной рукой он заиграет наконец всеми своими гранями, вам останется одно – позавидовать тем, кто прочтет это впервые. Неважно где: с чашкой кофе под теплым пледом, в купе мягкого вагона или в пляжном шезлонге…

Вы верите, что ваш автор сумеет покорить сердца.

А вы… Вы снова откроете книгу.

Чтобы просто почитать.

Ирина Митина

Я вами очарован вразь!

Соня стояла напротив трюмо, поправляя растрёпанные сном волосы, и беседовала с лежащим в постели отражением:

– Если ты действительно влюблён в меня, а не как с другими, то… почему ты не пишешь мне стихов?

– Я не умею, я никогда не пробовал! – Отражение шевельнулось под одеялом, спустило на паркет волосатые ноги и подошло к ней сзади.

– Потому что не любил. Стихи – самый достоверный тест на влюблённость, лакмусовая бумажка неподдельности чувств. Мужчина может петь серенады под балконом, дарить цветы, но, если он не пишет стихов, значит, его чувство – не более чем минутная увлечённость. И я… я не хочу тратить стремительно уходящие годы на эти скоротечные позывы.

Он вспомнил, как его друг Вовка связал Оле варежки со снежинками. Вовка вязал два месяца, но, когда подарил, она сразу предпочла его другим.

– А давай, я вместо стихов с моста из-за тебя брошусь или свяжу тебе на спицах варежки? – предложил он.

– С варежками ты не протиснешься в глубь моей души, так и останешься незначимым эпизодом моей интимной жизни. А у меня этих эпизодов, поверь, было немало.

– Я хочу протиснуться, очень хочу, – страстно залепетал

он.

– А если хочешь, то вместо того, чтобы по ночам играть под водку в преферанс, окуни в чернила гусиное перо, проникнись духом совершенства и напиши: «Я помню чудное мгновенье…» А после от себя добавь что-нибудь не менее великое, – сказала Соня, натягивая на стройные ноги черные колготки с узором.

Он покорно кивнул и уже на следующий день стоял у дверей магазина «Аксессуары нетленного». Магазин был полупуст. Два интеллигента, измученных непониманием своей роли в судьбе человечества, возились в ворохе берёзовых грамот десятого века. За прилавком среди разложенного антиквариата стояла припудренная пылью времени продавщица с бледным от тусклого освещения лицом.

– Вас можно потревожить? – спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Я должен написать поэму в стихах. Написать на уровне Пушкина или, на худой конец, Лермонтова.

– Тогда берите «Набор начинающего классика». Там есть все необходимое: кружевная скатерть, средневековый подсвечник, пара фигурных свечей, бронзовая чернильница, носовой платок с фестонами. А также гусиное перо и к нему два запасных.

– А запасные зачем?

– Начинающие классики не умеют контролировать силу творческого порыва, они макают перья в чернильницу с таким остервенением, что те ломаются, как саженцы нераспу-

стившихся роз. Вы ещё не успели этого испытать, но потребность дарить людям прекрасное изводит поэта… Так вы набор брать будете?

– Буду, конечно! А можно мне к набору ещё пару пёрышек гусиных, ну, чтобы не останавливаться, когда попрет?

– Двух должно хватить, но если понесёт рифмами бесконтрольно, то на десятки счёт пойти может, – сказала женщина и положила в пакет два дополнительных пера. Он заплатил за покупку и вышел на улицу. Накрапывал дождь.

«Самая подходящая погода для творчества. В жару потянуло бы пива выпить. Пушкин, наверное, тоже только в дождь творил. А в хорошую погоду – с портвейном, или что у них там вместо портвейна было, – пил в компании с Карениными и Чацкими, оттягивался в глуши, в деревне».

Дома он развернул кружевную скатерть, поставил на стол подсвечник и проверил гусиное перо на смачиваемость. Капля не стекла кляксой. «Правильные перья, настоящие», – одобрительно подумал он, и ему мучительно захотелось писать. Воск капал на кружевную скатерть, блики пламени метались по стенам, рука нетерпеливо подрагивала. Всё в маленькой съемной квартире замерло в предвкушении встречи с нетленным. Перо коснулось листа, пробежало по строчке и оставило на бумаге первые неровные следы-буквы: «Я помню чудное мгновенье…»

«Попёрло!» – обрадовался он и хотел было уже написать: «Передо мной явилась…», но вспомнил, что Соня предосте-

регала от следования шаблонам, советовала поменять сюжет и главных героев повествования.

Но о ком, о ком писать? Конечно, о ней, о Соне!

Тормозить рождение в себе классика было поздно, воды отошли, и он, не отрывая пера от бумаги, под строчкой «Я помню чудное мгновенье» написал: «Свечи неровное горенье». Строчки неожиданно срифмовались. Вдохновлённый успехом, он пристально взглянул на кружевную скатерть и прошептал: «На скатерти узоров вязь…»

«Права была продавщица: с гусиного пера под свечу нетленные строчки сами на бумагу валятся. Только вот „вязь“ уж очень слово нерифмучее».

В голове вертелось три подходящих – мразь, лазь и вразь. «Вразь» нравилось больше других, но уверенности в том, что оно литературное, не было.

«В поэзии можно всё. И чем больше исковерканных слов, тем выше летает чепчик», – успокоил он себя и решительно дописал четверостишье. Потом встал из-за стола, включил тусклую 25-свечовую лампочку и прочёл вслух:

Я помню чудное мгновенье,
Свечи неровное горенье,
На скатерти узоров вязь,
Долой ненужные сомненья,
Я Вами очарован, Соня, вразь!!!!!!!!!

Первый блин, вопреки правилу, не упал на бумагу комом.

«И главное – быстро родилось, пропёрло без творческого запора. Только истинные таланты пишут так – на одном дыхании! А те, кто мучаются, – простые ремесленники, столь же далёкие от поэзии, как кит от полёта». Он подошёл к зеркалу, однако внешних проявлений внезапно прорезавшегося таланта не заметил. Из зеркала смотрела до икоты привычная физиономия.

Вечером следующего дня он совершил попытку повторить неожиданный успех: расстелил скатерть, зажёг свечу, окунул в чернила перо, но как будто кто-то, насмехаясь, пережал творческие протоки. Великие строки не рождались. Шансы гусиным пером перекинуть мост между своим желанием быть с ней и её нежеланием жить с бездуховным, хоть и физически полноценным организмом таяли, как свеча из «Набора начинающего классика». Тянуть дальше смысла не было, и он позвонил Соне.

– Приходи завтра, я закончил произведение. Ты не поверишь, подумаешь, что я коварно переписал строчки из собрания сочинений неизвестного классика, но это я сам, сам при свете свечи гусиным пером! – Он положил трубку и подбодрил себя: «Пусть строчек и мало, зато между ними сквозит рифма».

Соня пришла к пяти. На ней было открытое платье, она села на диван и плотно сдвинула колени, демонстрируя этим превосходство духовного над плотским.

– Я помню чудное мгновенье, – продекламировал он и,

оторвавшись от листа, добавил: – Точь-в-точь как ты советовала.

Соня не отреагировала, и он продолжил:

Свечи неровное горенье,
На скатерти узоров вязь,
Долой ненужные сомненья,
Я Вами очарован, Соня, вразь!!!!

– Слово «вразь» хоть и не самое лучшее, но «зразь» ещё хуже, правда? – он положил листок на стол.

– Ты смеёшься надо мной, где поэма? – она ещё плотнее сдвинула коленки, её милое лицо прорезала саркастическая улыбка.

– Вот она, – сказал он и махнул рукой в сторону стола…

Соня больше не приходила в маленькую квартиру на втором этаже блочно-панельного дома. Вскоре она встретила Мишу, хорошего парня, изъясняющегося хореем. Он носил пиджак, галстук, «звонил», «ложил» и «скучал за». Соню, московскую корнями девушку, это слегка коробило, но Миша мог за вечер покрыть десятки страниц столбиками каллиграфических букв, и с ним был возможен нетелесный контакт.

После расставания с Соней он возненавидел поэзию и под любым предлогом избегал дискуссий о творчестве Пастернака и Ахматовой. Прошли годы тотальной бездуховности. Соня успела родить двух детей, развестись с Мишей, ещё раз

выйти замуж, опять развестись. Через много лет он встретил на улице грузную, уставшую от поэзии женщину и прошёл мимо, сделав вид, что не узнал в ней Соню.

Но воспоминания о том вечере, когда он очутился в волшебном мире свечного воска, бронзы и чернильных строк, замутили его, закружили романтическим вихрем. Он достал из ящика стола старую папочку с рифлёным листком и прочитал: «Я помню чудное мгновенье…»

И вдруг… слова сами выстроились в строчки:

Я помню чудное мгновенье,
По белой скатерти шутя —
Узоры букв, перо-карета,
По бликам пламени летя.
Её сарказм, самосожженье,
Чужих с тобой переплетенье.
Но путь не пройден, самомненье?
В тебе рождается движенье,
Ошибок прошлого дитя.
Спиралью чудно повторенье…

«Не в муках, не как кит в полёте», – подумал он и скомкал отживший жёлтый листок.

Еврей-рыба

Гера открыл почтовый ящик и достал ворох цветных листочков, пестрящих предложениями купить, продать, вызвать на дом массажиста, застраховать дом и жизнь… Он уже давно не относился к ним серьёзно, просто сгребал в кучу и выбрасывал в стоящий рядом бак для утилизации отходов. Но на этот раз на дне прятался конверт, а там мог быть выигрышный пропуск в музей «Эволюция еврея». Поэтому он распечатал конверт и, молчаливо шевеля губами, стал складывать слова из букв, так и не ставших привычными за долгие годы жизни в Израиле.

В письме рассказывалось о новой государственной программе по переселению евреев в море, и ему предлагалось стать одним из первых переселенцев. Для этого он должен был обратиться в больничную кассу Клалит и записаться на бесплатную операцию по замене лёгких на жабры.

Отказываться от бесплатного Гера не привык и уже на следующий день протягивал листок из конверта скучающей в окошке регистратуры девушке:

– Вот, мне пришло. Я по поводу переселения в море.

– Вам направо, потом налево, подниметесь по лестнице на четвёртый этаж, там прямо по коридору, пока не увидите большой плакат и сразу за ним кабинет 27, вам туда. На плакате изображён двудышащий еврей, еврей-рыба.

– Как это, еврей-рыба? – удивился Гера. Но у девушки зазвонил мобильник, и ему ничего не осталось, как двинуться по коридору: «Направо, налево, на четвёртый по лестнице, еврей-рыба…» Большой постер с изображением *русала* в чёрной шляпе с пейсами Гера увидел издалека. Русал висел в воздухе, слегка касаясь волн дельфиньим хвостом. В правой руке он держал молитвенник, а в левой трезубец. «Интересное полотно, Дали силой воздействия напоминает», – подумал Гера и зашёл в кабинет.

В кабинете никого не было. На стенах висели дипломы, лицензии, портреты Дарвина и Кусто, диаграмма таяния полярных льдов. Гера так увлёкся, что не заметил, как в кабинет вошёл полный человек с красным от сытости лицом. Человек неслышно подкрался к Гере и прошептал в ухо:

– Здравствуйте, я ведущий психолог-агитатор проекта «Еврей-рыба» доктор Даги Малюахи. Даги – это имя, а Малюахи – фамилия, у нас, евреев, не разберёшь.

Гера кивнул, а сам подумал: «Выходит, не только эмигранты, но и местные путаются». В сочетании «Даги Малюахи» было что-то знакомое, пахнущее пивом. Он попытался соединить нити ассоциаций: жаркий день, пикник, холодильные коробки, солёные коржики, крабовые палочки, вобла… «Ну конечно, Даг Малюах – это „солёная рыба“ на иврите, а он, значит, Воблочков, если по-нашему».

– Я хочу рассказать о нашем новом проекте. Надеюсь, что мой рассказ не вызовет в вас нежелания жить. – Малюахи

показал рукой на разбитое окно: – С виду была спокойная женщина, хоть и без мужа.

Он подошел к окну и, покосившись на Геру, закрыл оконный вылет шкафом.

– Наш проект – не Гербалайф и не альтернативная медицина, он обоснован научно и одобрен Министерством здоровья. Вы – выходец из Советского Союза и должны быть знакомы с романом писателя-фантаста Беляева про Ихтиандра, человека-рыбу. Исследования по пересадке жабр акулы человеку проводились в Советском Союзе ещё в 50-х годах. КГБ готовил к диверсионным операциям под водой целый отряд. Люди-рыбы могли опускаться на глубину до пяти километров, питаться под водой и не выныривать на поверхность месяцами. Но мы не готовим диверсантов, цель проекта «Еврей-рыба» мирная – заселение евреями океана. Операция по вживлению жабр занимает всего двадцать минут. Через восемь дней вы уже сможете вставать с больничной койки, кушать рыбную пищу, говорить по мобильному телефону, бриться. А через месяц и вовсе вернётесь к жизни.

– А как же дети, жена? – поинтересовался Гера.

– А вы с ними что, много общаетесь? – Даги Малюахи окинул Геру пристальным взглядом профессиональных глаз.

Гера вздохнул. Психолог-агитатор был прав: с женой они почти не общались – каждый сидел у своего компьютера, иногда выбирались в гости к родственникам. А дети… надо бы, конечно, и гулять с ними, и играть во что-нибудь разви-

вающее. А то вырастут приставками к компьютеру, воткнутыми в разъём *ю-эс-би*.

Психолог словно прочёл его мысли:

– Вот когда станете евреем-рыбой, они смогут ежедневно приходить к вам на берег. Будете плавать с детьми, нырять как дельфин, возить на спине жену.

– Я её и так на спине… – буркнул Гера, но не уточнил что. Малюахи улыбнулся:

– Дети будут счастливы, ведь вы расскажете им о чудесах подводного мира. Ну посудите сами: кто вы сейчас? Рядовой программист. Через год-два попадёте под сокращение и будете мучиться бездельем у телевизора. А так вы станете одним из первых евреев-рыб, одним из первых переселенцев в море. На вас будет возложена грандиозная задача освоения евреями водного пространства планеты. О вас напишут в Гугле, на вашу страницу в Фэйсбуке будут заходить тысячи.

– А что, в океане проведут интернет? – с надеждой поинтересовался Гера.

– Конечно, в Средиземном море будут установлены тысячи модуляторов *вай-фай*. Мы совместно с компанией «*Эпэл*» разработали водоустойчивые ноутбуки, которые будут выдаваться в пользование каждому переселенцу. Представьте: тихая гладь океана, розовые закатные облака, вы лежите на отмели и чатитесь с женой.

– С чьей?

– Неважно с чьей, важно, что вы не будете чувствовать

себя оторванным от землян. Ну как, будем готовиться к операции?

– А можно пару дней подумать? Ведь изменить среду обитания – это серьёзный жизненный шаг, даже покруче, чем жену, жене, с женой… – Гера запутался в падежах, покраснел и принялся выворачивать пуговицу на рубашке, как делал в детстве.

– Думайте, только недолго. Как говорят англичане, «фёрст кам, фёрст сёрвд». Если будут вопросы, звоните вот по этому телефону. – Малюахи протянул листок с номером.

Гера вышел из кабинета, спустился по лестнице и медленно пошёл по направлению к дому.

«Стать одним из первых переселенцев, евреем-рыбой! Великая миссия. Суша ограничена, и скоро места на всех станет не хватать. А если евреи переселятся всем народом, создадут свою еврейскую культуру в океане, тогда… тогда лозунг арабов „Столкнуть евреев в море“ станет лозунгом и нашего народа!»

Он шёл по улице, не замечая ни толкущихся у лотков с арбузами покупателей, ни кричащих продавцов, ни дефилирующих по променаду курортников. Он мечтал о том, как будет приплывать по ночам к берегу и смотреть на огни города, как будет на уикенды играть с детьми в «кита».

Думал Гера и о том, как первые переселенцы-евреи будут осваивать океан… У него было много вопросов: и как пить под водой водку, и как вести себя с русалками по матери, и

где достать непромокаемое издание Торы. Ведь именно эти, на первый взгляд мелкие моменты сделают жизнь подводного еврея не лишённой смысла. А креветки? Они же некошерные. А если такая во сне заберётся в рот и нечаянно её проглотишь? Вопросы набросились на него, как дети на подарки.

Дома Гера дважды пересмотрел диснеевскую «Русалочку», и в его голову закралась дерзкая мысль: а может, Моссад уже давно заселяет океан и русалки это и есть еврейские женщины-переселенки? А как же рыбий хвост? Он встал с дивана и подошёл к экрану. Весёлая русалочка описывала круги под водой, гоняясь за смешным рачком. «Может, на ней гидрокостюм?» – спросил он старшего сына. Тот не понял, хотел было покрутить пальцем у виска, но не решился.

Мысль о гидрокостюме не давала Г ере покоя. Он представил, как Русалочка расстёгивает молнию на спине, как стягивает с ровных еврейских ног рыбий хвост, и… перевёл взгляд на жену. Клара протирала пыль с подоконника и выглядела счастливой: уже давно семья не собиралась у телевизора. «А может, и ей пересадить жабры? – подумал Г ера. – Почему Даги Малюахи не предложил переселиться с женой? Они же знают, что я женат? Наверное, в море нехватка самцов-евреев, нужно облагораживать водную популяцию, вливать свежие гены…»

Гера оторвался от телевизора, надел сандалии и пошёл к морю. А вдруг повезёт, вдруг хоть одна приплывёт на зов?

Тогда он, глядя ей в хвост, расспросит про декомпрессию, про стабильность *вай фая* под водой и про то, о чём сухопутную еврейскую женщину можно спрашивать только в состоянии сильного опьянения. Приблизившись к кромке прибоя, Гера привычно закурлыкал: «Гули-гули-гули!» Но из воды вышли неодетая женщина с ногами и бородатый мужчина. Они легли на подстилку и укрылись простынёй. Ждать русалку расхотелось, и Гера понуро поплёлся в семью.

Жена, как будто почувствовав скорое расставание, приготовила его любимые фаршированные перцы и призывно улыбалась. Но он ковырнул перец вилкой и достал из ящика кухонного стола сайру в томате.

– Ты, случаем, не болен? – забеспокоилась женщина.

– Как ты догадалась? Я ещё вчера хотел тебе сказать, что ложусь на операцию. Мне удалят лёгкое.

Жена заплакала, дети расстроенно разбрелись по комнатам. Гера достал из банки две сайрины, положил их на кусок чёрного хлеба, посыпал солью и стал сосредоточенно пережёвывать:

– Мне теперь только морские кошерные продукты можно – рыбу фаршированную, водоросли.

– Ой, я же не знала, я сейчас быстро за карпом сбегаю, нафарширую, – засуетилась Клара.

Гера одобрительно кивнул жующей головой, а про себя подумал: «Давно надо было притвориться смертельно больным, тогда бы и качество семейной жизни стало другим!».

Жена накинула на плечи куртку и помчалась в магазин. Из детской вышел повзрослевший за последние шестнадцать лет сын:

– Па-а-а, а ты живой из больницы не вернёшься?

– И не надейся, мать всё равно не позволит тебе сидеть за компьютером до двух ночи. Уход из жизни только одного из родителей не делает ребёнка счастливым.

– Ну что ты, Па, я совсем про другое подумал. Вот если бы тебя в космос запустили навсегда, тогда прикольно было бы!

– Ты почти угадал, сынок. Меня, правда, не в космос, а в море запустят. Я буду там нырять, гоняться по отмели за рыбками… Ну и за русалками, конечно, как же без этого! – Гера мечтательно улыбнулся.

Сын странно посмотрел на отца, ушёл в комнату к младшему и сказал громко, чтобы было слышно в кухне: «Если б рыбы стали евреями, если б евреями стали рыбы, в океане они могли бы плавать муренами – рыбными змеями».

– Одарённый мальчик, непонятно в кого, – подумал Гера.

Больничная касса Клалит[1] начинала работать в восемь, но он пришёл за полчаса до открытия. У стеклянных дверей уже толпились больные арабы, усатые смуглые мужчины. «Жабры пересаживают только евреям, арабов мы оставим на суше, и пусть протестует ассамблея ООН», – подумал Гера, гордо сжав в кармане идентификационную карточку. По её номеру врач мог определить, что он не араб, и ещё… впрочем, ара-

[1] Клалит – *название одной из израильских больничных касс. /прим. ред./*

бам тоже подрезают, но номер и фамилия… Вассерфильд – самая подходящая фамилия для еврея-рыбы.

Двери открыли, и Гера ринулся в кабинет. У него даже не потребовали предъявить документы, раздели, осмотрели на предмет отсутствия хронических болезней и дали подписать акт согласия с возможным летальным исходом операции.

– Вас будет оперировать хирург-рыбник Махмадбенсалих, если кратко – Махбенсах. Его даже уборщицы в морге так называют. Ассистировать будет Фиряль-Уаджиха Дагкиллер, но она и на Фиджи откликается. – Спокойный голос женщины в очках внушал уверенность в положительном исходе операции.

– Извините, а нельзя, чтобы меня оперировал хирург-еврей? – робко попросил Гера.

– Махбенсах – очень опытный врач, уже более двадцати лет специализирующийся на пересадке органов евреям, а его ассистентка – американка-полукровка. В переселении евреев в море арабы заинтересованы даже больше, чем сами евреи, так что вам нечего бояться. Я лично не сомневаюсь в положительном исходе операции.

Женщина в очках оказалась права: Махбенсах умел виртуозно вставлять в евреев жабры. Шов заживал быстро. Через несколько дней лишь свист из жаберных щелей напоминал о пересадке. Геру каждый день погружали головой в джакузи, тренировали дышать под водой. Тело нельзя было мочить из-за швов, и приходилось часами стоять на коленках,

опустив голову в ванну. «Скоро буду резвиться в джакузи задорным русалом», – подбадривал себя прооперированный.

Но на страну навалились праздники, и из больничного отделения в срочном порядке выписывали больных.

– Здесь на праздники никого не будет, поэтому вы должны сделать всё возможное, чтобы процесс заживления был завершён до послезавтра, – сказала во время обхода Фиджи. – Мы выписываем даже непрямоходячих.

– А что надо сделать? – Гера был готов на всё: и стоять часами на коленях у джакузи, и смешно растопыривать пальцы рук, делая жаберную гимнастику.

Фиджи ухмыльнулась и, не ответив, вышла из палаты.

Его выписали на следующий день, за ним приехал на машине брат жены, чтоб отвезти домой.

– Обязательно придите через три дня на обследование. Жабра ещё не прижилась, возможен абсцесс, – предупредила Фиджи, подписывая бюллетень. – И не забывайте каждый день минимум по два часа дышать в воде.

Он не забывал – закрывался в совмещённой с туалетом ванной и, стоя на коленях, подолгу дышал в воду. Жена и сыновья сочувствовали и не стучали в дверь туалета, даже когда было очень нужно.

Через три дня он пришёл на проверку, но в больнице никого не было. Не было ни на следующий день, ни на следующий после следующего. Только через неделю Гере удалось попасть на приём. Фиджи не узнала его и попросила предъ-

явить документ, удостоверяющий Герину личность. Быстрый осмотр установил, что жабра не прижилась.

– Вы не дышали в воду? – строго спросила Фиджи.

– Нет, что вы, я каждую ночь по несколько часов.

– Значит, ванна была грязная, у вас абсцесс. – Фиджи выписала антибиотики и велела прийти через неделю.

Через неделю Г еру положили на стол и просветили рентгеном. Вердикт Махбенсаха перечеркнул мечты о подводной жизни:

– Вы не сможете жить в море, ваша жабра поражена и способна функционировать только в высокоочищенной воде. Вам теперь придётся каждый день по восемь часов дышать в воду, но не в водопроводную, а в прошедшую специальную очистку.

– А когда же я буду спать, ведь восемь часов это вся ночь? – Гера сидел в кресле перед Махбенсахом, положив руки на живот, – печальный еврей, так и не ставший рыбой.

– Не волнуйтесь, для таких, как вы, предусмотрен минискафандр. Вам как жертве операции полагается 50-процентная скидка, и обойдётся он вам всего в 50 тысяч шекелей. Мы можем разбить сумму на пятьдесят платежей. Это выходит… – Махбенсах достал из кармана халата окровавленный листок бумажки, огрызок карандаша и стал делить столбиком.

– Всего тысяча в месяц, – сказал он через пару минут. – Зато этот минискафандр позволит вам жить полноценной

жизнью. Смотрите…

Махбенсах принёс из подсобки полый пластиковый шар с отверстием и крышкой наверху, чем-то напоминающий аквариум:

– Просовывайте голову вовнутрь. Давайте, смелее!

Рыба-неудачник просунул. Махбенсах затянул резиновый поводок на шее и залил сверху очищенную воду. Потом надел ему на спину кислородный баллон с лямками, а трубку опустил в воду. Дышать в воде было легко, пузырьки кислорода щекотали подбородок и веки.

– Ну как, нравится? – спросил довольный врач.

Гера пустил пузыри и покачал аквариумом. Изображения предметов расплывались, поводок тёр шею, но зато можно было передвигаться по суше, дыша жаброй.

– Вот и отлично, все довольны, все смеются. Это наш девиз, девиз больничной кассы Клалит. – Махбенсах похлопал рукой по аквариуму, потом слил воду и упаковал микроскафандр в ящик. На ящике было написано: «Комплект двудышащего». Гера подписал платёжные бумаги и вышел из кабинета.

Теперь он каждое утро надевал на голову аквариум, заливал в него отстоявшуюся кипячёную воду и ходил по квартире. В нём сидел на балконе, в нём смотрел телевизор. Смотреть было неудобно, лица актёров Сериала расплывались, и он путал любовницу мужа с дочерью жены киллера от первого брака, но и к этому Гера постепенно привык. Жизнь вли-

лась в привычное русло, и… он никогда бы не выписался из своей больничной кассы, если бы не зубы.

У еврея, так и не ставшего рыбой, разболелся зуб, третий в верхнем ряду, и он опять пришёл в Клалит. В регистратуре сидела та же скучающая девушка.

– Я к зубному, у меня зуб! – Гера засунул палец рот, показывая на источник неприятных ощущений.

– Вам направо по коридору, потом налево, поднимитесь по лестнице на четвёртый этаж, по коридору прямо, кабинет 27.

– Но я там уже был по другому вопросу, там ещё плакат про еврея-рыбу, – попытался возразить Гера.

– Плаката больше нет, программа закрыта. – Девушка поправила кофточку.

– Как закрыта, почему?

Но у девушки зазвонил мобильник, и он двинулся по коридору, стараясь не ошибиться: «Направо, налево, на четвёртый по лестнице… Вот он, 27-й». Очереди не было. Он робко постучал и вошёл в зубоврачебный кабинет. На стенах висели дипломы, лицензии, портреты Дарвина, Кусто, диаграмма таяния полярных льдов, таблица Менделеева. У зубоврачебного кресла стоял Махбенсах.

– Здравствуйте, меня зовут Махбенсах, доктор Махбенсах, я буду удалять вам зубы. Фиджи, принеси комплект сменных зубов.

Гера хотел спросить про проект «Еврей-рыба», но вместо

этого сбивчиво произнёс:

– А почему, почему удалять? Может, просто посверлим? Я на удаление не записывался.

Махбенсах улыбнулся и надел перчатки:

– Ложитесь, сейчас посмотрим.

Оказалось, что зуб всё-таки надо удалять и вживлять имплант.

– Вы знакомы с новым методом Залусджа? Потрясающий метод. Зуб не удаляется, имплант вживляется в нёбо неподалёку от замещаемого зуба и со временем вытесняет его. Абсолютно безболезненно. Так как, будем пробовать?

– Будем, – печально свистнул жаброй Гера.

Махбенсах высверлил в нёбе дыру и всадил в неё имплант.

– Ну вот и всё, можете идти, только подпишите вот здесь.

– Что не возражаю против летального исхода? – Гера придвинул исписанный мелкими ивритскими буквами листок.

– Да нет, это на оплату. Вы хотите на платежи разбить или одним?

– Одним. – Он подписал документ и вышел из кабинета.

В отличие от жабры, имплант прижился хорошо, но почему-то стал передвигаться в сторону горла и вскоре закрыл вход в пищевод. На нём застревали куски проглатываемой пищи. Стало очевидно, что имплант надо удалять, но идти к Махбенсаху Гере не хотелось, и он решился на переход из Клалита в больничную кассу Маккаби[2]. Заполнил анкету о

[2] Маккаби – *одна из израильских больничных касс. /прим. ред./*

вступлении и протянул её скучающей девушке.

– Вы не хотите поучаствовать в проекте «Еврей-птица»? – спросила она.

Гера вспомнил, что девичья фамилия его матери – Ципципер, и…

Но это уже совсем другая история.

Без наркоза

С детства люблю себя оперировать. Если в пятку вдруг гвоздь вошёл или кусок стекла, то – бритвой с вожделением мазохиста, из глубокого разреза окровавленными пальцами. Вскрытие конечностей в нестерильных условиях по большей части не приводит к летальному исходу. Совсем иначе обстоит с удалением опухолей, расположенных в области головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.